

Joanna Orzechowska

Kontent : analiz teksta "Vojsnovskogo sinodika"

Acta Neophilologica 13, 111-134

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

нистон, солун, ферзь, ферц, фуцан ‘męski organ płciowy’; *сулико* ‘homoseksualny akt płciowy’; *фабатъ, фаваць* ‘odbywać stosunek oralny’; *фика* ‘żeńskie organy płciowe’; *фляк* ‘kolega, przyjaciel, kompan’; *фраер, фрайер* ‘człowiek, mężczyzna’; *фуфло, хезало* ‘pośladki, tyłek’; *шмонь* ‘dziewczyna’; *чувак* ‘młody człowiek, mężczyzna’; *шалва* ‘ prostytutka’.

Zapożyczeniami wewnętrznymi są także nominacje pochodzące z kultur wschodnich: z języka cygańskiego – *чавела* ‘wyraża dowolne emocje’; z arabskiego, tureckiego – *кайф, кейф* ‘zadowolenie, radość’, *марафет* ‘dobry wygląd zewnętrzny kobiety’. Wymienione nominacje nie są zapożyczeniami bezpośrednimi, gdyż funkcjonowały już wcześniej w innych odmianach żargonu, na przykład w gwarze więziennej czy narkomańskiej, z takimi samymi znaczeniami, i tą drogą mogły przedostać się do socjolektu młodzieżowego [Береговская 1996: 33].

Wpływ kultury współczesnych cywilizacji zachodnich na powstawanie współczesnego rosyjskiego żargonu młodzieżowego odzwierciedlają wyrazy zapożyczone (293 hasła), z których największa liczba to zapożyczenia anglo-amerykańskie (61 haseł). Oprócz zapożyczeń z języka angielskiego żargon młodzieżowy wykorzystuje także zapożyczenia z następujących języków: niemieckiego, hiszpańskiego, włoskiego, czeskiego, ukraińskiego, polskiego, tureckiego, łacińskiego, arabskiego. Bardzo liczną grupę stanowią zapożyczenia wewnętrzne, to jest zapożyczenia z innych odmian żargonu – kryminalnego, przestępczego, więziennego. Żargon młodzieżowy jest integralną częścią języka ogólnonarodowego. Mechanizmy wzbogacania słownictwa w obrębie socjolektu nie odbiegają od mechanizmów zachodzących w języku normatywnym. Zacieranie się granic między różnymi społecznościami oraz otwarte kontakty międzykulturowe powodują wzbogacanie języka w zapożyczenia zarówno z języków obcych, jak i socjolektów.

Bibliografia

- Береговская Э.М. (1996). *Молодёжный сленг: формирование и функционирование*. Вопросы языкознания 3.
- Грачёв М.А. (1996). *Арготизмы в молодёжном жаргоне*. Русский язык в школе 1.
- Елистратов В.С. (1994). *Словарь московского арга*. Москва.
- Елистратов В.С. (2000). *Словарь русского арга (материалы 1980–1990-х гг.)*. Москва.
- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. (1999). *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*. Москва.
- Костомаров В.Г. (1994). *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Москва.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. (2000). *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург.
- Никитина Т.Г. (1998). *Так говорит молодёжь. Словарь молодёжного сленга*. Санкт-Петербург.
- Никитина Т.Г. (2003). *Молодёжный сленг. Толковый словарь*. Москва.
- Тот С. (1997а). *Несколько замечаний по поводу исследований русского жаргона в связи с интересным и достойным пристального внимания словарем (В.М. Мокиенко. Словарь русской бранной лексики. Berlin 1995)*. Studia Russica XVI. Будапешт.

Тот С. (1997b). *К вопросу о приемах образования русских жаргонных слов (Исторический аспект)*. Studia Russica XVI. Будапешт.

Юганов И., Юганова Ф. (1997). *Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60-90-х годов)*. Москва.

Summary

Borrowings in Modern Jargon of Russian Youth. Prolegomenon to Research

The subject of this article is the modern jargon of Russian youth. The authors present an analysis of borrowings relating to narcotics and love. Quoting dictionary entries, they try to prove that inner borrowings constitute the most numerous group, and among foreign borrowings those from the English language are most frequent.

Joanna Orzechowska

Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ТЕКСТА *ВОЙНОВСКОГО СИНОДИКА*

Key words: Old Believers' Sinodik, content analysis, text dynamics

1. Проблемы изучения синодиков

Синодик – это религиозный текст, функционирующий во многих разновидностях и вариантах. Е.В. Петухов в своей первой научной классификации, термином „синодик” называет три разных текста: 1) синодик – литературный сборник (или синодик с литературными предисловиями), 2) помянник, 3) чин православия [Петухов 1895]. На классификации Е.В. Петухова базируются и современные исследователи [Поньрко 1989: 339–344], однако, осознаются и ее недостатки [Давидова 2007]. Классификация Петухова не учитывает различий в структуре и содержании православных и старообрядческих синодиков. Первые представляют собой прежде всего открытые тексты, с пустыми страницами для вписывания имен близких усопших. Среди них много монастырских синодиков, в которые записывались имена вкладчиков, добродетелей. Старообрядческие синодики – это прежде всего закрытые тексты, со специальными разделами для поминовения старообрядцев погибших мученической смертью за веру. Но и среди старообрядческих синодиков отмечаем разные версии, в зависимости от времени и места издания, источника, с которого копировался текст, а также традиций старообрядческих типографий. Все эти факты, хотя описаны в литературе, не учтены в типологии синодиков. Поэтому необходимо создание новой классификации, учитывающей и обобщающей результаты новейших исследований. Для этого следует ввести в научный оборот как можно наибольшее число синодиков. Требуется также дополнительная разработка терминологии. В современной литературе названия „синодик” и „помянник”, которые Е.В. Петухов считает разными текс-

тами, употребляются как синонимы. В *Церковнославянско-польском словаре* к синонимическому ряду зачислен также термин „диптих” [Znosko 1996: 90].

В настоящей работе предлагается описание старообрядческого синодика из коллекции Войновского монастыря (в северо-восточной Польше). Войновский синодик [ниже: ВС] издан в начале XX века в подпольной старообрядческой типографии Луки Гребнева в селе Дергачи Вятской губернии. Общая характеристика, орнаментика, система нумерации страниц, а также структура ВС разработана автором настоящей статьи в ряде публикаций [Orzechowska 2008a; 2008б; 2009a; 2009б; 2009в; 2009г].

2. Контент-анализ

Так как классификация синодиков основывается прежде всего на их содержании, в нашей исследовательской работе применен метод, с помощью которого исследуется именно содержание – это контент-анализ (слово „контент” – из английского content – означает содержимое или содержание текста) [Григорьев 2001]. Самый первый упоминаемый в литературе контент-аналитический опыт – это проведенный в Швеции в XVIII веке анализ сборника 90 церковных гимнов (*Песни Сиона*), приобретших большую популярность, но обвиненных в несоответствии религиозным догматам. Путем подсчета религиозных символов в тексте гимнов и сравнения их с другими религиозными текстами была доказана необоснованность запрета их чтения [Lisowska-Magdziarz 2004: 17]. В конце XIX – начале XX вв. в США появились первые контент-аналитические исследования текстов массовой информации. Начиная с 1950-х годов контент-анализ как исследовательский метод активно используется практически во всех науках, так или иначе практикующих анализ текстовых источников в теории массовой коммуникации, в социологии, политологии, истории и источниковедении, в культурологии, литературоведении, прикладной лингвистике, психологии и психиатрии.

Метод контент-анализа может подвергаться модификации, в зависимости от поставленных задач и исследуемых текстов. За Д.В. Ландэ приводим разные дефиниции этого метода, возникшие в ходе научных разработок текстов:

– методика объективного качественного и систематического изучения содержания средств коммуникации (Д. Джери, Дж. Джери);

– систематическая числовая обработка, оценка и интерпретация формы и содержания информационного источника (Д. Мангейм, Р. Рич);

– качественно-количественный метод изучения документов, который характеризуется объективностью выводов и строгостью процедуры, и состоит из квантификационной обработки текста с дальнейшей интерпретацией результатов (В. Иванов);

– метод, который состоит из нахождения в тексте определенных содержательных понятий (единиц анализа), выявление частоты их встречаемости и соотношение с содержанием всего документа (Б. Краснов);

– исследовательская техника для получения результатов путем анализа содержания текста о состоянии и свойствах социальной действительности (Э. Таршис) [Ландэ 2006: 30].

Конкретные прикладные цели контент-анализа также варьируют в широких пределах. В 1952 году американский исследователь Б. Берелсон сформулировал 17 целей, воспроизводимых с тех пор в пособиях по контент-анализу; в их числе описание тенденций в изменении содержания коммуникативных процессов; описание различий в содержании коммуникативных процессов в различных странах; сравнение различных СМИ; выявление используемых пропагандистских приемов; определение намерений и иных характеристик участников коммуникации; определение психологического состояния индивидов и/или групп; выявление установок, интересов и ценностей (и, шире, систем убеждений и „моделей мира”) различных групп населения и общественных институтов; выявление фокусов внимания индивидов, групп и социальных институтов и др. [Berelson 1952].

Применение контент-анализа для исследования религиозных текстов кажется нам целесообразным, ввиду его научных достоинств.

Во-первых, метод контент-анализа возник как противопоставление свободной интерпретации текста и стремится по мере возможности к наибольшей объективности исследований. В этом особенно нуждаются сакральные тексты, которые Л.Я. Аверьянов называет „шифрограммами, содержащими в себе практический весь живой опыт и данного поколения и всей предшествующей истории” [Аверьянов 2009]. Религиозные тексты фиксируют глобальные смыслы бытия, могут стать поворотным пунктом в развитии человечества, общества, страны, государства или отдельного человека. Они способны формировать и переформировать мировоззрение человека, менталитет и языковую картину мира, т.е. функционирование личности в культурной среде. Религиозные тексты обладают социальной значимостью, но с трудом поддаются научным исследованиям. В них важно отыскать исходный смысл, хотя сделать это предельно трудно. Интерпретация текста имеет только одну цель: найти там нечто то, что возможно не лежит на поверхности, т.е. найти глубинный смысл. Попытки интерпретации священных текстов человечеством предпринимаются постоянно, но не всегда они заканчиваются успехом [Аверьянов 2009]. Однако:

Любой текст строится по заданной оптимальной схеме и принципам, проверенной многолетней практикой создания текстов с точки зрения решения автором текста своих задач. В полном соответствии с законами и правилами построения текстов, соблюдения его структуры, указанием объектов текста и связей между ними. Ибо только следуя этим правилам, можно ожидать оптимального решения своей задачи донесения для читателей основного смысла и направление читателей в русло, необходимое автору текста [Аверьянов 2009].

В соответствии с концепцией: „реальность это текст, написанный Богом, а текст это реальность, созданная человеком” [Аверьянов 2009], авторы сакральных текстов должны были придерживаться особых правил их создания, чтобы текст был своеобразным посредником между потусторонним и человеческим. Если такие правила существовали, возможно их раскрытие, в результате чего, в дальнейшем, возможно восстановление глубинного смысла такого текста. Такая исследовательская задача может и должна осуществляться строго формализованным и объективным методом изучения текстовой и графической информации.

Из этого следует, что, во-вторых, контент-анализ позволяет обнаружить в документе то, что ускользает от поверхностного взгляда при его традиционном изучении, или подтвердить то, что исследователями ощущается интуитивно. Социолог А.Г. Здравомыслов определил контент-анализ как „научно обоснованный метод чтения между строк”¹.

Такое чтение достигается выработкой количественного описания смыслового и символического содержания документа, фиксацией его объективных признаков и подсчетом последних. По мнению социологов Маркоффа, Шапиро и Вейтмана, контент-анализ можно было бы назвать „текстуальным кодированием”, так как он предполагает получение количественной информации о содержимом документа на основе ее кодирования [Markoff, Shapiro, Weitman 1974: 158].

Кроме того, контент-анализ отличается от всех прочих способов изучения тестов, тем, что он позволяет „вписать” содержание документа в социальный контекст, осмыслить его одновременно и как проявление, и как оценку социальной жизни. О социальной направленности этого метода изучения говорит О.Т. Манаев:

Это специальный достаточно строгий метод качественно-количественного анализа содержания документов в целях выявления или измерения социальных фактов и тенденций, отраженных этими документами. Особенность его состоит в том, что он изучает документы в их социальном контексте [Манаев 2010].

В-четвертых, данный метод с успехом применяется прежде всего в описании институционального дискурса, и особенно языка масс-медиа [Pisarek 1983; Lisowska-Magdziarz 2004; Аверьянов 2009]. В нашей работе, ВС рассматривается как текст институционального, религиозного дискурса, поэтому, на наш взгляд, количественные исследования сакрального текста вписываются в проверенное методологическое русло.

Учитывая перечисленные выше достоинства контент-анализа, нам кажется наиболее уместным использовать его в дальнейшем текстологическом анализе ВС.

¹ Цит. за: <http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RKutylyty-gtgron>, дата доступа: 18.02.2010.

3. Исследовательские шаги контент-анализа

В каждом отдельном случае применения контент-анализа требуется специальная разработка понятийного и исследовательского аппарата, и соответствующего подхода, согласно с целями исследования. В ряду разработанных нами исследовательских инструментов является и формулировка базовых понятий метода. Она строится на основе базового определения метода. В настоящей работе контент-анализ понимается как:

метод, предполагающий формализованное исследование содержания текстовых массивов в целях выявления и измерения, представленных в них социальных, культурных, ментальных особенностей [Манекин 1991].

В ходе работы по методу контент-анализа нами предприняты следующие исследовательские шаги:

- определение задачи исследования,
- разделение текста ВС на условные структурные части,
- определение категорий анализа,
- определение единиц анализа текста,
- определение единицы счета.

Задачей в контент-анализе принято называть результат процесса осознания какой-либо потребности. Задачей является общая концепция, которая указывает на изменение общего или частного качества [Аверьянов 2009]. В нашей работе поставлена следующая задача – определить способ поминовения усопших в разных синодичных статьях (какие прецедентные тексты используются, как называется и описывается поминаемый человек, какие молитвы произносятся, и т.д.). Задача отвечает на вопросы: как „правильно” с конфессиональной точки зрения помянуть усопших, какое поминовение поможет усопшим, что, в какой последовательности и как должны молиться верующие, чтобы добиться упокоения душ поминаемых? Ответ на данные вопросы должен дать сам текст, ткань которого исследуется.

Система категорий анализа играет роль вопросов в анкете и указывает, какие ответы должны быть найдены в тексте [Манаев 2010]. В ходе изучения доминантной лексики ВС нами определены следующие категории анализа, т.е. ключевые понятия (смысловые единицы, признаки), имеющиеся в тексте ВС: имя усопшего, социальный статус усопшего, обстоятельства смерти (место, время, присутствие других погибших, количество погибших), причина смерти, молитвенные обращения.

Следующим исследовательским шагом является выбор соответствующей единицы анализа текста. Единицей анализа в контент-анализе принято считать: а) слово, б) предложение, в) тему, г) идею, д) автора, е) персонажей, ж) социальные ситуации, з) части текста, объединенные чем-то, что соответствует смыслу категории анализа. Когда контент-анализ выступает единственным методом информации, оперируют не одной, а сразу несколь-

кими единицами анализа. В анализе текста ВС, в связи с выделенными категориями анализа, нами применяется условная единица анализа текста – единица информации, которая может соответствовать различным структурным образованиям: слову, сочетанию, предложению, или большей части текста, т.е. семантическому блоку, содержание которого отвечает рамкам категории анализа. После исключения из текста памятника элементов, не имеющих содержательного значения (названий статей, нумерации страниц и пометок на полях, повторяющих нумерацию статей или указывающих на время чтения текста), весь текст можно разделить на единицы информации, т.е. отсутствуют такие фрагменты текста, которые не являются единицей информации или какой-либо ее частью. Единицы информации вносятся в соответствующие таблицы, фиксирующие их наличие и интенсивность. Так как единицы информации представляют собой совокупность разных структурных образований (от слова до текста), в таблицах они отделены друг от друга запятыми, при этом опускаются те знаки препинания в единице, которые были помещены в тексте ВС. Например фрагмент текста: ѿ кѣсъ цѣѣнническѣи, ѿ дѣлконскѣи, ѿ ѿночскѣичинѣи чинѣи – это единица информации ѿ кѣсъ цѣѣнническѣи дѣлконскѣи ѿночскѣичинѣи чинѣи.

В категории анализа „имени усопшего” единица информации называет одного человека и соответствует ей:

- слово (имя собственное, например: *саватѣа*);
- сочетание имени и фамилии, прозвища, отчества (*дѣѡнѣиѣа глаѡшнѣцаго, дѣѡдѡра смолѣнскаго ѿ ѿрослаѡскаго, миѡаила шѡѡйскаго скопина, Филиппа ѿрослаѡа, дѣѡдѡра нариѡаемаго цѣлѣ*);
- выражение, в котором сочетаются два имени собственных, мирское и полученное после крещения (*владѣмира нариѡеннаго ко сѣѡми крѣѣнѣи васѣлѣа*), или мирское и полученное после рукоположения (*васѣлѣа ко ѿноцѣхѣи карлаама*).

Сочетание двух имен собственных с одним прозвищем, например: *анѡнѣа ѿ дѣѡдѡѣа печѣрскихѣи*, образует две единицы информации: *анѡнѣа печѣрскихѣи, дѣѡдѡѣа печѣрскихѣи*.

К названной категории зачисляем выражение, не называющее имени усопшего, но апеллирующее к фонду знаний Всевышнего, который записывает имена усопших в „книги животныя” (*чѣи сѣми гѣи вѣси ѿмена ѿхѣ*).

Категория анализа „социальный статус усопшего” не называет имени усопшего, но дает его характеристику по другим признакам. Среди них выделяем:

- статус относительно Всевышнего (*рѣкѣи своѡхѣи*),
- место в церковной иерархии (*прѣѡсѣѣннѣхѣи митрополѣтѡвѣи москѡвскихѣи ѿ всѣлѣ рѡссѣи, сѣѣа горы ѿгѡуменѡвѣи*),
- социальный статус (*ѿ ѡѡбѡхѣи, вѣротѣи ѿ вѡвѣицѣи*),
- место жительства или гибели (*москѡвскѣа*),
- пол (*дѣѡвѣицѣи*),

- родственные связи (прародителѣи),
- образ жизни (внѣдоуѣхъ прѣтерпѣвшихъ вѣѣтъ сѣи),
- отношение к религии или обрядам (и познѣвшихъ чѣкѣ чторца вѣѣхъ и зидѣтелѣ и҃стиннаго вѣа).

Одной единицей информации считаем описание группы усопших, созданное на базе объединения противопоставлений (покаѣвшихѣа и непокаѣвшихѣа, мужескаго пола и женскаго), а также сочетания однородных понятий (чегцѣѣхъ и пѣвцѣѣхъ).

Категория „причина смерти” в тексте чаще всего выражена причастием (оубѣвшихъ, скончѣвшихѣа, и змершихъ, прѣтѣвѣвшихѣа и т.д.), иногда с разъясняющими выражениями (и Ѡгнѣмъ сожжѣнныхъ скончѣвшихѣа).

К данной категории зачисляем выражения, отвечающие на вопросы:

- За что погибли поминаемые (и за вѣсь мѣръ скончѣвшихѣа)?
- С чьих рук погибли (Ѡроуѣхъ везбѣжныхъ Ѡ литкѣи и Ѡ чатѣрѣхъ и Ѡ нѣмѣхъ и Ѡ вѣлѣхъ разлѣчныхъ ѣзыѣковѣхъ)?
- От чего умерли (скончѣвшихѣа морѣмъ, и глѣдомъ, и жѣждѣю, и наготѣю, и мрѣзо^м, и знѣо^м, и грѣдо^м, и инѣго^м, и дождѣ^м, и вѣтрѣо^м, и грѣзноу чѣчѣю оубѣеннѣи)?

Высказывания, которые зачисляем к молитвенным обращениям, различаются между собой по структуре, хотя адресат и цель всегда остаются неизменными.

Разделение текста на отдельные единицы, молитвенные обращения, требует от нас экспликации понятия молитва, а также предварительного упоминания о ее структуре, т.е. отдельных молитвенных высказываниях. За М. Войтак приводим несколько объяснений понятия молитва:

Трудно ответить на вопрос, что такое молитва. С философской и богословской точки зрения молитва представляется „самым совершенным религиозным актом, диалогом, разговором с Богом” [Zdybicka 1984: 156]. „В молитве как речи, подчеркивает Б. Вельте [Welte 1995: 20], человек говорит к Богу и с Богом. Человек называет Бога и высказывает самого себя”. Автономная ценность религиозного диалога связывается при этом с тремя основными типами позиции молящегося человека: религиозного ожидания (надежды), религиозного понимания (веры), преданности (любви) [Węclawski 1995: 98–107, ср. также Zdybicka 1984; Welte 1995; Nedoncelle 1995]. В Катехизисе молитве дается определение, согласно которому „молитва является возношением души к Богу или направленной к Нему просьбой об определенных благах” [Katechizm Kościoła Katolickiego 1994: 575]. В конденсированной формуле, предложенной З. Здыбицкой [Zdybicka 1984: 158], сущность молитвы проявляется в том, что, будучи диалогом, она является словом и просьбой [Wojtak 2010].

Стандартизированные элементы молитвы, выделенные М. Войтак [Wojtak 2010], стали идентифицирующим признаком молитвенных обращений ВС. Итак, к данной категории зачисляем те фрагменты текста, в структуре которых находятся:

– анаклеза, т.е. обращение к Богу, принимающее часто форму вокативных фраз: *Гди́ Ісе́ хр҃те́ сіе́ вѣїи́, вѣко́;*

– просьба, чаще всего выраженная императивными формами: *протѣ́ ймѣ сіе́ вѣко́;*

– конклюдия, которая имеет форму доксологии (от гр. *слава*), т.е. славословия, прославления Бога в трех ипостасях (*ты́ ко́ ѿи́ конкѣрніе́ ѿ жи́вотѣ ѿ по́коіи*) [Nadolski 1992: 131];

– заголовок молитвы (*И́ апрог҃ты́хъ же́ понах҃и́дахъ сіи́це*);

– акламация (*Въ ли́цѣхъ пра́ведныхъ ко́ ѿгра́дѣ́ бл҃годарѣ́нїа въ жи́зни ве́земе́ртнѣи́ ѿ въ не́и́зрече́ннѣмъ ѿ немерца́ющемъ свѣтѣ́ ли́ца твое́го въ ве́конѣ́чнѣмъ вѣ́ки вѣ́комъ а́минь*);

– другие фрагменты текста, которые являются разговором молящегося с Всевышним и не вписываются в рамки других категорий анализа (*и́же не́бѣтъ ко́моу́ помѣнѣ́ти й́хъ*).

Единицей счета, т.е. количественной мерой единицы анализа, позволяющей регистрировать частоту (регулярность) появления признака категории анализа в тексте ВС является частота появления единиц информации в данной статье, т.е. ее интенсивность.

На этапе разработки таблиц контент-анализа нами принята соответствующая кодировка текстов и категорий анализа. В Таблицах 1, 2 представлены классификаторы контент-анализа.

Таблица 1

Название статьи	Код
статья первая вселенская	1В
статья вторая вселенская	2В
статья третья вселенская	3В
статья четвертая вселенская	4В
статья пятая вселенская	5В
статья пятая	5
статья вселенская малая	ВМ
статья первая	1
статья вторая	2
статья третья	3

На следующем этапе составляются протоколы (или бланки) контент-анализа, которые содержат сведения о документе (в нашем памятнике – название статьи) и итоги его анализа. Протоколы заполняются, как правило, в закодированном виде, т.е. в них помещается количество случаев употребления определенных единиц анализа и следующие отсюда выводы относитель-

но категорий анализа. В нашем исследовании, вследствие небольшого объема рассматриваемого материала (осуществляется контент-анализ десяти документов), протоколы были заполнены в открыто-содержательном виде.

Таблица 2

Категория анализа		Код
имя усопшего		И
социальный статус усопшего		С
обстоятельства смерти	время	Ов
	место	Ом
	присутствие других погибших	Од
	количество погибших	Ок
причина смерти		П
молитвенные обращения		М

Затем составляется регистрационная карточка, которая представляет собой кодировальную матрицу. В ней отмечается количество единиц счета, характеризующих единицы анализа всех исследованных статей (см. Таблица 3).

Таблица 3

Код	1В	2В	3В	4В	5В	5	ВМ	1	2	3
И	2	1	144	–	3	2	2	79	196	168
С	63	70	90	51	58	24	26	42	47	50
Ом	23	20	–	57	1	15	1	3	4	36
Ов	–	8	–	–	2	2	1	1	1	6
Од	–	–	23	–	–	–	–	5	2	38
Ок	–	–	–	2	–	–	–	3	2	21
П	56	9	7	60	12	19	7	9	4	36
М	29	7	17	18	21	12	19	–	–	–

4. Динамика содержания Войновского синодика

Регистрационная карточка представляет собой отражение динамики содержания, т.е. количественного и качественного изменения единиц информации в статьях. Динамику содержания показывают диаграммы 1–8.

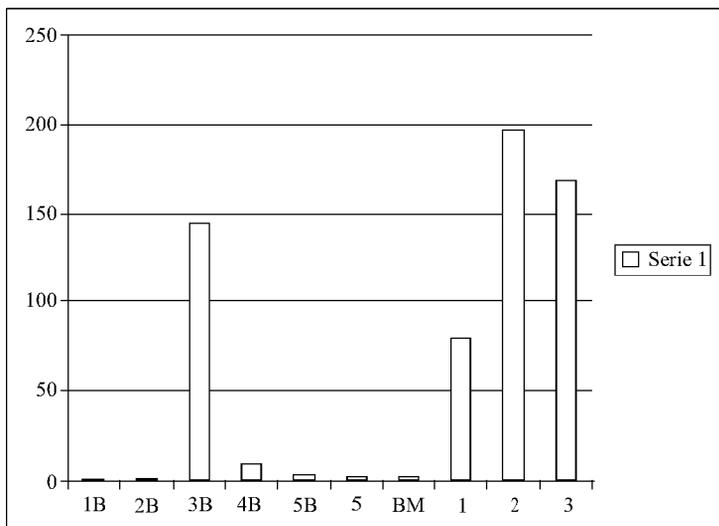

Диаграмма 1. Интенсивность единиц информации „имя усопшего”

4.1. Имя усопшего

Значительной интенсивностью единиц „имя усопшего” характеризуются статьи 1, 2, 3, а также статья 3В. В статьях 1В и 5В поминаются по имени только прародители *âđđâ* и *ѣвкâ*. Особенностью статей, в которых поминовение по имени незначительно или отсутствует, является наличие обращений к Всевышнему, в которых молящийся ссылается на его память и знание, например:

2В – *â ãменà ãхъ гдѣ сáмъ ты вѣси влѣко члѣколюбче хрѣтѣ вѣе нáши
и коегóждо дшю по ãмени своемоу;*

4В – *ты сáмъ гдѣ вѣси ãменà ãхъ;*

5В – *ãхъ же ãменà ты сáмъ вѣси гдѣ;*

5 – *ãхъ же ãменà сáмъ вѣси, сáмъ вѣси ãменà ãхъ.*

В тексте статьи ВМ употребляется слово *ймѣкъ*, зачисленное нами к данной категории, на месте которого молящийся произносит имя поминаемого.

4.2. Социальный статус усопшего

Единицы информации „социальный статус усопшего” характеризуются большой интенсивностью во всех статьях. Однако, протоколы анализа, указывают на разное содержание данных единиц в статьях 1, 2, 3, 3В и 1В, 2В, 4В, 5В, 5, ВМ.

В первой группе статей, которые характеризуются большим количеством единиц „имя усопшего” (1, 2, 3, 3В), единицы „социальный статус усопшего” выполняют функцию конкретизации, внесения добавочной информации к имени. Чаще всего это указание на место в светской (Великаго кнѣза, Велика кнѣгини, Кнѣза, Црѣ и великаго кнѣза, Црѣвича, Блговѣрных црѣицы и велика кнѣгини, Црѣицы и велика кнѣгини, Црѣвны), или духовной иерархии (инока, инокини, Бщѣннойнока, Бщѣннодѣкона, щѣнноцрѣя, игоумена, хѣмника, Бщѣнноархѣмандрита, щѣннодѣкона, Бщѣнноѡпѣпа). В статьях 1, 2, 3, многие имена сопровождаются прозвищем по месту гибели (Соловѣи Ощѣы, польскѣс, Олонѣцкѣе, каргопольскѣс, вологодскѣс, холмогорѣ, пѣсчозѣрскѣа, донекѣс, москѡвскѣа).

В статьях вселенских (кроме 3В) единицы информации „социальный статус усопшего” обладают совершенно другим содержанием, чем в статьях 1, 2, 3, 3В. С одной стороны, называются конкретные социальные группы усопших (црѣи и стѣители, архѣсрѣи и црѣи, иноки и бѣлцы), с другой – поминаются все православные христиане (и всѣхъ православныхъ хрѣтянъ, православныхъ младенцевъ, всѣхъ православныхъ мужей, иже во хрѣтянствѣи всѣрѣ преставльшихъ, во всѣхъ возрастѣхъ и чинѣхъ, и всѣхъ ихъ же созданныхъ сѣи, иже здѣ лежачихъ и на всѣхъ мѣстѣхъ владычества твоего). Для иллюстрации значения „все”, в тексте ВС объединяются группы противоположные по различным признакам (мужеикаго полъ и женьикаго, старцы и иноты, когатыа и оубогѣа, свободныа и работныа, и скончавшихъ по винѣ и безъ винѣ) или перечисляются однородные (Ощѣи и кратѣи нашихъ, Ощѣи и пра Ощѣи, дѣды и радѣды, и чѣхъ ихъ же нѣсть кому поманути сиротѣа ради и оубожества и послѣднѣа ради нищеты).

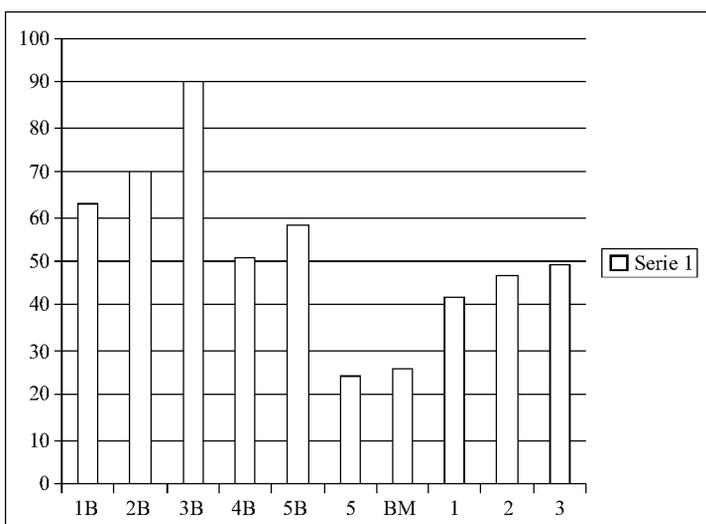

Диаграмма 2. Социальный статус усопшего

В отличие от единиц статей 1, 2, 3 (чаще образованных одним словом), в статьях вселенских „социальный статус усопшего” может передаваться сложными конструкциями (и вса ѿже во бл҃гочестїи пожївшїа рѡды ѿ рѡды ѿ преечавльшїага къ тебѣ многомѣтвомѹ чл҃колюбецѹ бг҃ѹ, ѿли кон ѿ нїхъ къ тебѣ гдї покаанїа не показаша простоты рѣди ѿ не вѣденїа ѿли поужныа рѣди скорби ѿ послѣднїа нищеты).

4.3.1. Обстоятельства смерти/место

Единицы „обстоятельства смерти/место” с наибольшей интенсивностью проявляются в статье 4В. Часть из них имеет общий характер (и во вѣрхх градѣхъ въ селѣхъ ѿ мѣстѣхъ ѿ пѹстынѣхъ нашеа рѹсскїа землїи, во многїхъ странѣхъ, въ различнѹхъ мѣстѣхъ, напѹти, ѿ втемницѣхъ), однако в некоторых единицах указаны географические названия с конкретными местами гибели (и на надонѹ, ѿ на могокѣ, въ ѿ на велѣкѣ, ѿ на калкахъ, ѿ на Ѣзерѣ галицкомѣ, ѿ въ роутѣ, ѿ подѣ казанїю, ѿ подѣ рѣзанїю, ѿ подѣ тихомъ сономъ, на ѿгорѣ, ѿ на печерѣ, въ болоцкой землїи).

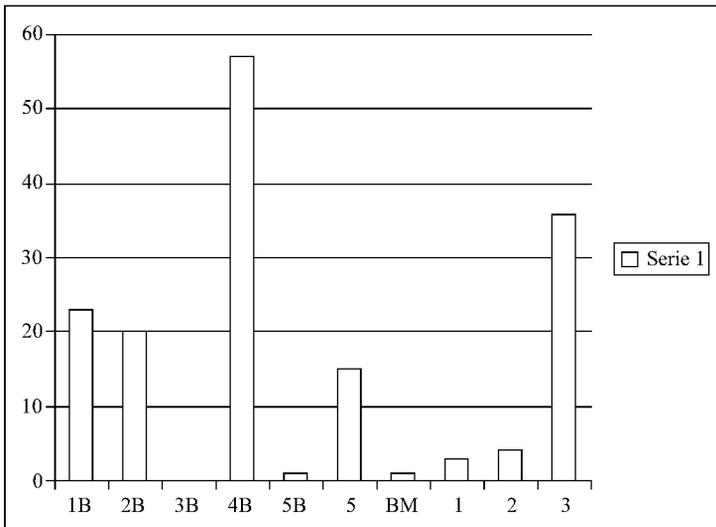

Диаграмма 3. Обстоятельства смерти/место

4.3.2. Обстоятельства смерти/время

Единственной статьёй, в которой не употреблены единицы „обстоятельства смерти/время” является статья 3В. Данный факт можно объяснить составом поминаемых в ней лиц: царей и цариц, князей и княгинь, а также митро-

политов. Вернее всего, предполагается, что при именах наиболее значимых деятелей в истории Российского государства (до раскола) нет нужды в добавочной исторической справке. Замечаем отчетливые различия в содержании данных единиц статей вселенских и статей 1, 2, 3. В статьях вселенских единицы „обстоятельства смерти/время” имеют общий характер и стремятся к приновению всех скончавшихся от Адама и Еввы до наших дней:

- 1В – прежде почивших въ вѣцѣхъ свѣта, ѿ а́дама ѿ до сего̀ дне;
- 2В – ѿже ѿ зема́го вѣка, ѿ нача́ла ѿ до сего̀ времени, ѿ во вѣхъхъ ты́лцннхъ лѣтѣхъ, ѿ сконча́вшихся во ѿхожде́нїи со́лнца, ѿже преста́вшихся ѿ а́дама ѿ до сего̀ дни, ѿ пе́рвыхъ да́же ѿ до послѣ́днихъ, ѿ вѣка, ѿже ѿ вѣка преста́вшихся;
- 4В – ќ самое́ но́ужное вре́мя, ѿ вѣка ѿ до сего̀ дни, ќ ны́нѣшнѣа послѣ́днѣа вре́мѣна;
- 5В – прежде почившихъ ѿ нача́ла ми́ра ѿ до сего̀ дне, ѿже прежде пи́саннаго за́кона вѣрою по́жившихъ та́кожде ѿ въ пи́санномъ;
- 5 – ѿ а́дама ѿ до сего̀ дне, ѿ вѣка;
- ВМ – ѿже ѿ вѣка.

В статьях 1, 2, 3 единицы „обстоятельства смерти/время” фиксируют конкретное число год, месяц, день, даже часть суток (рече го́ ма́ д̄ на д̄ н̄е погѣ ќ че́к вѣчеро́м).

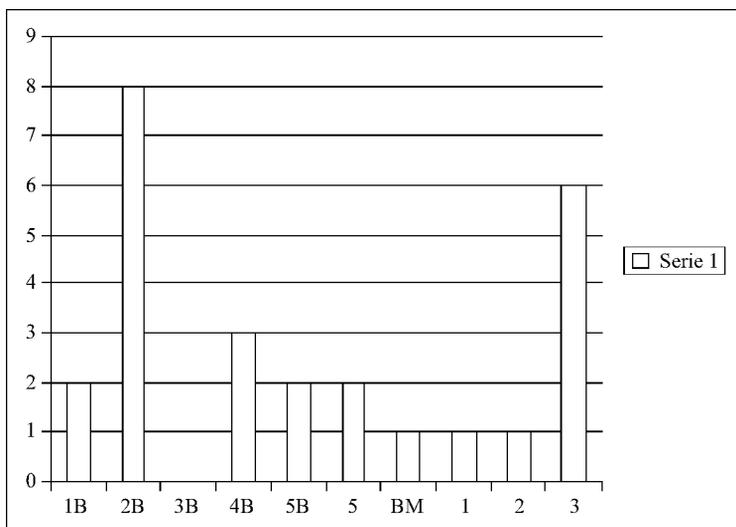

Диаграмма 4. Обстоятельства смерти/время

4.3.3. Обстоятельства смерти/присутствие других

Единицы информации „обстоятельства смерти/присутствие других” характерны для статей 1, 2, 3, а также для статьи 3В. Использование данных единиц предоставляет возможность поминовения больших групп погибших, без перечисления всех имен собственных (Помани гди игоумена александра скверскаго съ братїю, инокъ гедеѡна и иже снїмъ, инокъ корнїлїа и прочїхъ).

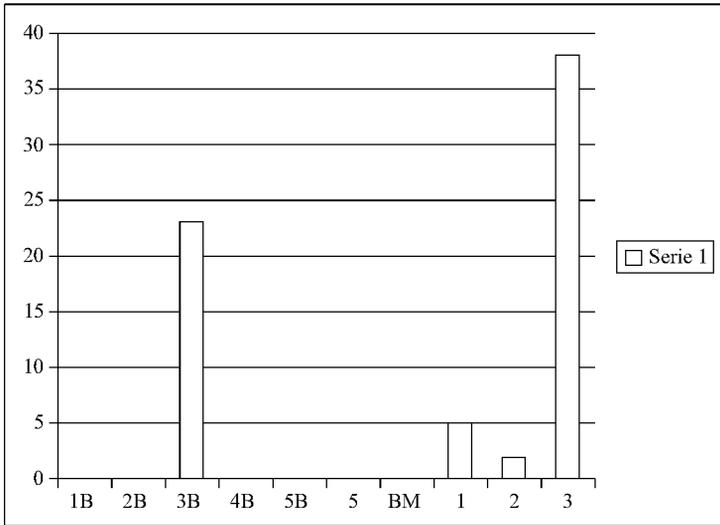

Диаграмма 5. Обстоятельства смерти/присутствие других

В статье 3В единицы информации называют братию: съ братїю, и иже братїи, и єго братїи. В статьях 1, 2, 3 единицы имеют общий характер: и иже снїмъ (иже снїмъ, снїмъ, и иже снїми, иже є нїми, и снїми), и всїхъ иже снїмъ, и прочїхъ (и прочїхъ снїми, и прочїхъ иже снїмъ), и оученикѡвъ иже, и чадъ єго дхѡвныхъ.

4.3.4. Обстоятельства смерти/количество погибших

Единицы „количество погибших” характерны для тех статей, в которых преобладает поминовение по имени (1, 2, 3).

В статьях вселенских, которые характеризуются стремлением помянуть „всех православных христиан”, естественным кажется отсутствие количественных данных. Исключением является статья 3В, в которой отсутствуют количественные показатели. Два раза количество погибших зафиксировано в статье 4В (и младенца и зкїеныхъ тебе ради ѡ ирода царя четьрехъ надевать тысяць; Помани гди дшїа раба своихъ и ракинъ, к єамоє нужное время сеа ѡсмїа тысяци преестїавшихєа).

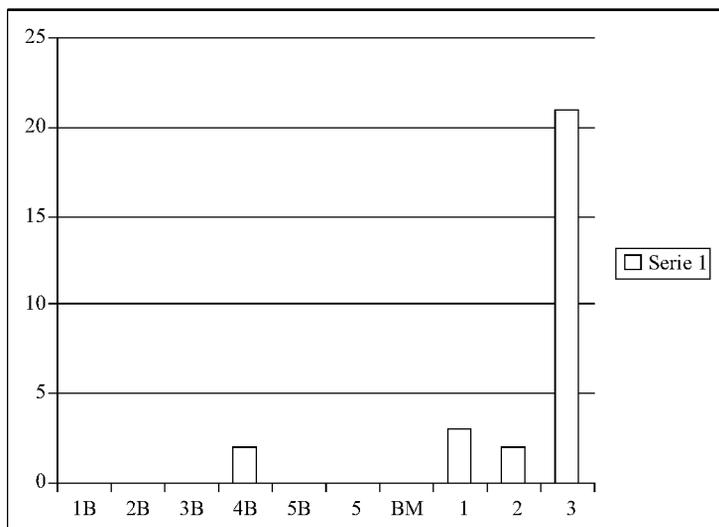

Диаграмма 6. Обстоятельства смерти/количество погибших

4.4. Причина смерти

Единицы указывающие на причину смерти употреблены во всех разделах ВС. В статьях 1, 2, 3 данные единицы образуют причастия и причастные обороты (*сожжённых, оубивенного, оубтопшаго, пострадавших, замочены, оубтопшаго, За блгочестіе пострадавших*) или субстантивные конструкции (*гладом*). В статьях вселенских подробно перечисляются разные случаи, став-

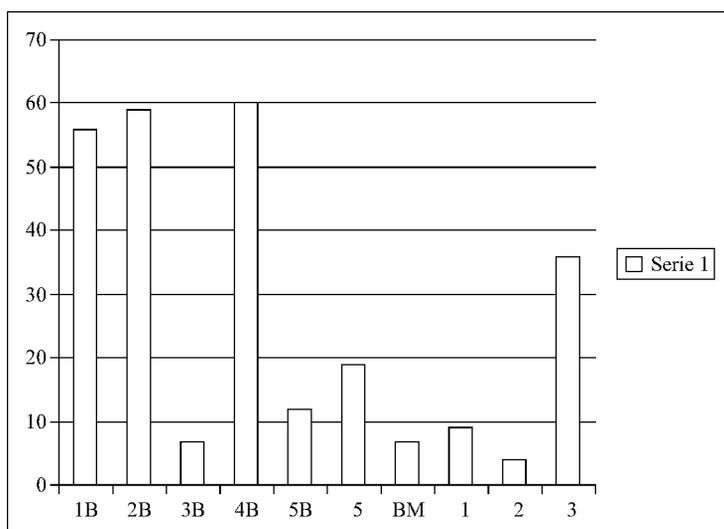

Диаграмма 7. Причина смерти

шие причиной смерти поминаемых усопших. Они образуют следующие тематические группы:

1. Указание на идеологическое направление борьбы, которая закончилась гибелью борющихся. Единицы данной тематической группы отвечают на вопросы: за кого погибли поминаемые, за что погибли поминаемые: подви́зajúщи́хся за стýла́ цѣркви и́ за стýлю непорóчную вѣрý крòви своа́ и́ злѣа́кши́х, и́ за вѣсь миръ скончáвши́хся, за прáвду́ годдáрси́ сво́ихъ вѣрнóу оумѣрши́х.

2. Причастность к смерти другого человека:

- а) смерть от рук иноверных: и́ всáчески́ми погублѣ́ными погублѣ́емыми ѡро́уки везбóжныхъ ѡ литвы́ и́ ѡ татары́ и́ ѡ немцы́ и́ ѡ влáкихъ разлѣ́чныхъ я́зыковъ;
- б) смерть от рук преступников: и́ ѡ чачѣ́и и́ ѡ разбóйникъ и́ ѡ всáкаго насилетва́ и́ оу́кнѣ́тка но́ужнью́ смѣрть прѣ́имши́х, и́ ѡ разбóйникъ и́ збѣ́енныхъ, и́ ѡ разбóйникъ оубѣ́енныхъ;
- в) смерть во время войны и от руки неприятелей и недоброжелателей: и́ же чевѣ́ ради ко́ ѡродеткѣ́ и́ ко ѡвложѣ́ннѣ́ тлѣ́жкнѣ́ верѣ́гъ и́ мно́гими трѣ́ды́ и́ по́дви́ги и́ знѡ́раю́щихъ тѣ́лесъ своа́ и́ скончáвши́хся в непорóчнѣ́й твое́й вѣ́рѣ́, и́ же на рáчкѣ́хъ побѣ́енныхъ, и́ в полцѣ́хъ оу́а́звенныхъ оумѣ́рши́х.

3. Причастность животных к смерти: и́ же ѡ свѣ́рси́ и́ всáкихъ гадѡ́въ ходя́щихъ и́ ползajúщихъ и́ ѡ всáкаго свѣ́ринаго́ и́ га́декаго ѣ́стество́а́ снѣ́деныхъ и́ растóрганыхъ, и́ рóги и́зводѣ́нныхъ, и́ смѣ́лами поглоще́нныхъ, и́ попра́нѣ́мъ ко́нскимъ и́ ристáнѣ́мъ развѣ́енныхъ.

4. Гибель от природных условий: и́ наготóю, и́ мрáзо^м, и́ знóе^м, и́ гра́до^м, и́ снѣ́го^м, и́ дожде́^м, и́ вѣ́тро^м, и́ грóзною́ тоуче́ю оубѣ́енны́, и́ же ѡ грóмѣ́ оубѣ́енныхъ.

5. Смерть от болезней и недугов: и́ же нап́расно оумѣ́рши́х ѡ свѣ́лнаго́ клн́ча, и́ ѡ всáкаго́ тресновѣ́ннѣ́а, скончáвши́хся мóромъ, и́ гла́домъ, и́ жа́ждею, и́ ѡ всáкѣ́а немо́щи и́ли но́ужды, и́ ѡ кн́ннаго́ запóнѣ́тка.

6. Кончина в результате самоубийства: и́ ѡ сво́ихъ ро́уки оумѣ́рши́х, и́ли сво́ею дѣ́рзостѣ́ю оумѣ́рши́х, и́ ѡ всáкѣ́а самохóтнѣ́а пáкостнѣ́а скончáвши́хся.

7. Смерть от колдовства и от духов нечистых: и́ разлѣ́чнымъ и́скү́ше́нѣ́мъ ѡ дѡхóвъ нечѣ́стныхъ и́змѣ́рши́х, напѡ́щенѣ́мъ и́ли чарóбнымъ напо́енѣ́мъ, и́ ѡбдѣ́ржѣ́мымъ ѡ дѡхóвъ нечѣ́стныхъ и́змѣ́рши́х.

8. Указание на орудие убийства: ѡ дрѣ́ва, и́ желе́за, и́ всáкаго́ кáмене, и́ дрѣ́вомъ повнѣ́тыхъ, и́ но́же́мъ зарѣ́занныхъ, и́ копѣ́емъ преводе́нныхъ, и́ сѣ́кирою́ смѣртно́ю я́звѣ́ прѣ́имши́х и́ спѣ́тнѣ́вшихъ дш́а́ своа́.

9. Смерть в результате несчастных случаев: и́ вхъ клáдези́ и́ врòвъ в пáдши́х оумѣ́рши́х, и́ ихъ врѣ́га и́ ихъ стре́мннѣ́ны пáдши́хся, и́ на ледо́у протóргнѡ́вши́хся и́ потпо́и́вши́хся, и́ в плч́иннѣ́ моретч́кнѣ́ погрáзнѡ́к.

шихъ, ѿ въ рѣкѣхъ ѿ во ѣзѣрахъ ѿстопившихъ, ѿ Огненнаго Запаленїа ѿзгорѣвшихъ, ѿ ѿ дымнаго чадѣ задохнувшихъ, ѿ ѿ оугарѣ ѿзмершихъ.

10. Другие причины смерти: скончавшихъ великою скорбїю ѿ чужестранцевъ, ѿ великими различными напастями претѣблявшихъ ѿ егѣ свѣта земнаго, ѿ крѣпки ево ѿзлѣбшихъ, ѿ во великой чужестранцевъ различными бѣдѣти скончавшихъ.

4.5. Молитвенные обращения

Данная единица информации отсутствует в статьях 1, 2, 3. Среди молитвенных обращений, употребленных в статьях вселенских, отмечаем преобладание двух конструкций: Поманї гдї дшл и Поманї гдї (92 на 173 употребления). Их фреквенция в отдельных статьях представлена в Таблице 4.

Таблица 4

Статья	Поманї гдї дшл	Поманї гдї	Другие молитвенные обращения
1В	25	1	3
2В	12	–	45
3В	6	11	–
4В	2	12	4
5В	9	–	12
5	2	9	1
ВМ	1	2	16
вместе	57	35	81

Авторами учебников по литургике этого рода устойчивые молитвенные тексты определяются как **литургические формулы**. Формулы Поманї гдї дшл и Поманї гдї структурно организуют текст и являются начальными элементами текстовой рамки. Особенности литургических формул Поманї гдї дшл и Поманї гдї (повторяемость в тексте, стабильная форма, присутствие в определенном жанре религиозной литературы) свидетельствуют об их стандартизации [Nadolski 1989: 404]. Венцлавски считает, что такие формы санкционированы, канонизированы традицией и духовной властью, т.е. институтами, осуществляющими культ [Weclawski 1995: 113]. С лингвистической точки зрения их можно рассматривать как клише, так как они не только готовы к употреблению и воспроизводимы, но и могут быть перенесены из одного высказывания в другое. Стандартизация, и даже окостенение, молитвенных форм способствует тому, что они читаются особо, ибо, по выражению Т. Венцлавского, „определенная словесная форма (или шире: знако-

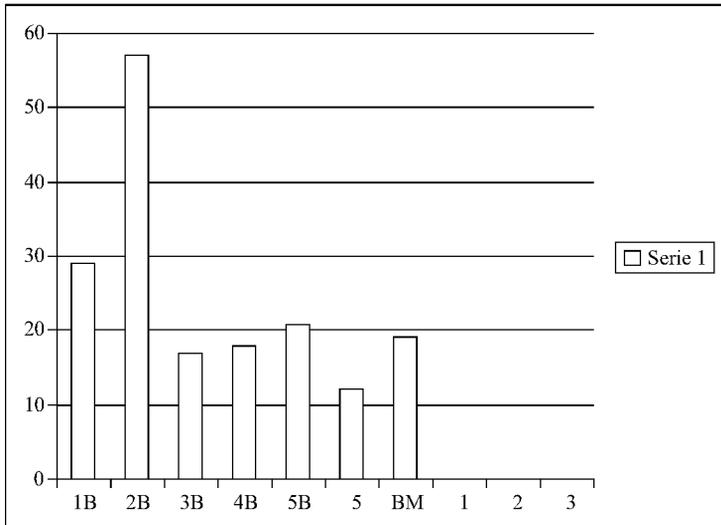

Диаграмма 8. Молитвенные обращения

вая, также включающая позу, жест) молитвы может быть прямо или косвенно санкционированной Богом” [Węclawski 1995: 113]. Несомненно, молитвенные обращения Помани гди дша и Помани гди функционируют как строго установленные высказывания священника и верных в рамках обряда „поминовение усопших”.

При этом, кроме этих жестко установленных формул, функционируют другие, что способствует оживлению обряда и повышает эмоциональную причастность участников, углубляет их участие в обряде [Sinka 1988: 274]. В тексте ВС отмечаем функционирование разных с точки зрения структуры и содержания молитвенных формул. Среди них следующие структурные образования:

– анаклеза: к тебѣ милосѣрдому вѣх ѿ ѿцѣх, гди молимтисѧ вѣко;

– просьба: ѿ сѧ праведными оучини дша ихъ въ мѣстѣ покойнѣ въ нѣдрѣхъ оу авраама ѿ исаака ѿ иакова и дѣже прирѣцаетѧ свѣтѧ лица твоего гди, ѿ протѣ ихъ гди вѣское согрѣшенїе вольное ѿ не вольное ѣже содѣланное ѿми словомъ ѿ деломъ ѿ помышленїемъ;

– просьба + акламация: ѿ насъ протѣ ѿ помилуй ѡко вѣх ѿ чѣлоубецѧ аминь, ѿ оупокѡй ихъ со вѣкми стѣими на мѣстѣ свѣтѣ на мѣстѣ злѣчнѣ на мѣстѣ прохладнѣ ѿ покойнѣ въ лицѣхъ праведныхъ во ѡградѣ благодаренїа въ жизни веземѣртнѣй ѿ въ не ѿзреченїемъ ѿ не мерцающемъ свѣтѣ лица твоего въ вѣконечныя вѣки вѣкѡмъ аминь;

– доксология: ты во едины еси кромѣ вѣкаго грѣха ѿ правда твоѡ правда к вѣкѧ ѿ слово твоѡ истинно, въ лицѣхъ праведныхъ во ѡградѣ благодаренїа въ жизни веземѣртнѣй ѿ въ не ѿзреченїемъ ѿ не мерцающемъ свѣтѣ лица твоего въ вѣконечныя вѣки вѣкѡмъ аминь;

– анаклеза + просьба: и́ тѣхъ гдѣ и́звѣсти вѣже ншѣ всѣкѣмъ моуки, и вѣтѣмъ гдѣ прѣстѣи ихъ члѣколюбче, и ѡупокѣи ихъ гдѣи;

– доксология + акламация: и́ прославлѣвшихъ прѣчѣтное и́ великолѣпное и́мѣ твоѣ ѿца и́ сѣна и́ стѣгвоу дѣа стѣшюу трѣцѣ ѣдиноѡушнѣю и́ нераздѣлимѣю нѣкѣ и́ прѣноу и́ ко вѣки вѣкѣмъ ѡминѣ, и́ тебѣ славу возсылаемъ хвалоу и́ блѣгодарѣнѣе чѣстѣ и́ поклонѣнѣе со вѣзначѣльнымъ твоимъ ѿцѣмъ и́ со прѣстѣимъ и́ блѣгимъ и́ живѣотворѣющимъ твоимъ дѣомъ нѣкѣ и́ прѣноу и́ ко вѣки вѣкѣмъ ѡминѣ;

– просьба + доксология: и́ ѡупокѣи дшѣ ихъ к мѣстѣ свѣтлѣ к мѣстѣ злѣчнѣ к мѣстѣ покойнѣ и́дѣже просвѣщѣетъ блѣгодѣть твоѣ ѿца и́ сѣна и́ стѣгвоу дѣа ко ѣдиномъ вѣтѣвѣ не раздѣланѣмъ;

– доксология + анаклеза: ты ко ѣси возкрѣнѣи и́ живѣотѣ и́ покой ѡуѣопшимъ рабѣмъ твоимъ и́ рабѣнамъ хрѣте вѣже нашѣ;

– анаклеза + просьба + доксология: и́ дшѣ ихъ гдѣ спсе нашѣ своѣихъ ради великихъ щѣдрѣтѣ и́ не и́зрѣченнѣгвоу милѣсерѣдѣа помѣни и́ спѣси вѣ вѣдѣщемъ вѣцѣкѣ и́ вѣ дѣнь соудныи и́звѣсти ихъ гдѣи вѣчнымъ моуки;

– заголовки молитв: трѣтѣе, и́ по ѿче нашѣ, Тропарѣи глѣсѣ дѣ, Слава, И́ нынѣ, бѣгорѣдичнѣ, Тѣже гдѣ помѣлѣи мѣ, слава и́ нѣкѣ, гдѣ помѣлѣи вѣ.

На основе проведенного контент-анализа отмечаем следующие особенности динамики содержания и строения синодичных статей:

1. Специализация статей по способу поминовения усопших. Преобладает или поминовение по имени собственному (1, 2, 3, 3В), или поминовение групп усопших по их социальному статусу (1В, 2В, 4В, 5В, 5, 5М). Отмечаем тенденцию обратно пропорционального существования этих величин. Немногочисленные случаи поминовения по имени освобождают в текстовой ткани место для поминовения общего, в котором перечисляются разные социальные группы и обратно.

2. Статьи, в которых преобладает поминовение по имени характеризуются наличием количественных данных (4В, 1, 2, 3), а также единиц информации, указывающих на гибель других вместе с поминаемыми (3В, 1, 2, 3).

3. Статьи вселенские отличаются в структурном и содержательном плане от статей 1, 2, 3. Статьи вселенские стремятся к общему поминовению всех усопших православных христиан, которые скончались во всех местах вселенной от начала мира до настоящих дней. Немногочисленные примеры конкретизации, с указанием на имя собственное, место и время кончины. Статьи 1, 2, 3 поминают прежде всего старообрядческих сподвижников, называя имя, время, место гибели, уточняют число погибших. Статьей, которая не вписывается в эту характеристику, является статья 3В. В содержательном плане она близка статьям 1, 2, 3, так как поминает исторические лица государственных и религиозных деятелей, которые умерли до раскола, т.е. почитаемых старообрядцами.

4. Статьи 1, 2, 3 имеют характер исторически зафиксированного свидетельства о мученичестве старообрядцев.

5. Отчетливо прослеживается тенденция к редукции в тексте обширных, развернутых молитвенных обращений, вплоть до полного их исчезновения (в статьях 1, 2, 3). В начале ВС помещены молитвы, которые не имеют характера специальных молитв для поминовения усопших. Это псалмы, тропари, седалены, кондаки, и т.д. В статье 2В, характеризующейся наибольшим разнообразием молитвенных обращений, отмечаем многочисленные молитвы со просьбами *спаси, избави, упокой, прости, сподоби их некого царствя*, однако большую интенсивность (12 единиц из общего числа 48) начинает проявлять оборот Помзни2 гдси дш7z2. В следующих статьях (1В, 3В, 4В, 5В, 5) отмечаем его преобладание над остальными молитвенными обращениями, появляется его сокращенный структурный вариант (Помани гди). Императив *помани* заменяет все остальные молитвенные просьбы (*спаси, избави, упокой, прости, сподоби*) и становится литургической формулой характерной для обряда „поминовение усопших”. Это своего рода слово-код, понятный и молящемуся, и Всевышнему. В конечном итоге чтение имен поминаемых лиц из синодика приводит к полному отсутствию молитвы-просьбы. Его наличие подразумевается только определенными грамматическими формами имен собственных. В статьях 1, 2, 3 полностью отсутствуют молитвенные обращения, но данный факт не препятствует совершению обряда. Без лишних слов достигнуто полное взаимопонимание человека и Творца.

6. Единицы „причина смерти” в ВС могут быть развернутыми, детально описывающими всевозможные случаи кончины (1В, 2В, 4В, 5В, 5ВМ, 5), и краткими, подвергшимися редукции, образованными только одним словом (3В, 1, 2, 3). Образы кончины поминаемых детально описаны в статьях вселенских (кроме 3В, которая структурно напоминает статьи 1, 2 и 3), особенно в статьях 1В и 2В, в которых отмечаем преобладание этих единиц над всеми остальными. Однако в каждой следующей статье качество единиц меняется. На месте подробного описания остаются только эскизные *сожженных, укйенного, скончавших, утешших*, и т.д.

Использованный метод контент-анализ позволил выявить четко зарисованные тенденции динамики содержания статей ВС. В случае отнесения конкретных статей к определенным временным рамкам возникновения можно бы говорить об эволюции синодичного текста.

Библиография

- Аверьянов Л.Я. (2009). *Контент-анализ*. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.vusnet.ru/biblio/archive/averjanov_kontent/00.aspx>, дата доступа: 14.05.2009.
- Григорьев С.И. (2001). *Проведение контент-анализа*. Основы современной социологии. Издательство Алтайского государственного университета. Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://www.psyfactor.org/lib/k-a2.htm>>, дата доступа: 13.02.2010.
- Давидова М.Г. (2007). *Старообрядческий Синодик из Причудского собрания Пушкинского дома*. В: *Слово. Православный образовательный портал*. Электронный

- ресурс. Режим доступа: <<http://www.portal-slovo.ru/rus/art./2898/10299>>, дата доступа: 15.07.2007.
- Ландэ Д.В. (2006). *Теория информационного поиска. Методическое пособие для студентов кафедры компьютерных наук (краткое содержание магистерского курса лекций)*. Киев. Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://download.yandex.ru/class/Lande/edu-lectures.pdf>>, дата доступа: 14.12.2009.
- Манаев О.Т. (2010). *Контент-анализ как метод исследования*. Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://www.psyfactor.org/lib/content-analysis3.htm>>, дата доступа: 16.01.2010.
- Петухов Е.В. (1895). *Очерки из литературной жизни синодика*. Санкт-Петербург.
- Манекин Р.В. (1991). *Контент-анализ, как метод исторического исследования*. Доцент. Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://www.bestreferat.ru/referat-77704.html>>, дата доступа: 16.01.2010.
- Поньрко Н.В. (1989). *Синодик*. В: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в.* Часть 2. Ленинград, с. 339–344.
- Berelson B. (1952). *Content Analysis in Communication Research*. New York.
- Lisowska-Magdziarz M. (2004). *Analiza zawartości mediów. Przewodnik dla studentów*. Zeszyty Wydziałowe. Kraków, Uniwersytet Jagielloński.
- Markoff S., Shapiro G., Weitman S. (1974). *Toward the Integration of Content Analysis and General Methodology. Sociological Methodology*. Ed. D. Heise. San-Francisco, Jossey-Bass.
- Nadolski B. (1989). *Formuły liturgiczne*. В: *Encyklopedia katolicka*. Т. 5. Lublin.
- Nadolski B. (1992). *Liturgika*. Т. 4: *Eucharystia*. Poznań.
- Nedoncelle M. (1995). *Prośba i modlitwa*. Kraków.
- Orzechowska J. (2008a). *Старообрядческий Войновский Синодик*. В: *Семантика. Функционирование. Текст. Межвузовский сборник научных трудов с международным участием*. Киров, с. 203–210.
- Orzechowska J. (2008b). *Старообрядческий Войновский Синодик. Время и место издания*. *Slavia Orientalis* LVII, 2. Warszawa, с. 203–210.
- Orzechowska J. (2009a). *К вопросу о месте и времени издания богослужебных книг старообрядческого монастыря в Войново. Система сигнатур и фолиации*. *Przegląd Rusycystyczny* 1(125), с. 5–12.
- Orzechowska J. (2009b). *Структура Войновского Синодика*. В: *Семантика. Функционирование. Текст. Межвузовский сборник научных трудов*. Киров, с. 217–226.
- Orzechowska J. (2009c). *Орнаментика книг Войновского монастыря. К вопросу о времени и месте издания*. *Acta Neophilologica* XI, с. 5–17.
- Orzechowska J. (2009d). *Герменевтическое изучение текста Войновского синодика*. В: *Русский язык и проблемы современного образования. Сборник научных статей*. Выпуск 2. Архангельск, с. 114–124.
- Pisarek W. (1983). *Analiza zawartości prasy*. Kraków.
- Sinka T. (1988). *Zarys liturgiki*. Gościkowo-Paradyż.
- Welte B. (1995). *Modlitwa jako towa*. *Znak* 487, с. 18–32. Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://www miesiecznik.znak.com.pl/archiwumcyfrowe/90s/1995/487.pdf>>, дата доступа: 9.06.2010.
- Węclawski T. (1995). *Wspólny świat religii*. Kraków.
- Wojtak M. (2010). *Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы)*. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/Voitak_StandMolitv.php>, дата доступа: 15.02.2010.
- Zdybicka Z. (1984). *Człowiek i religia*. Lublin.
- Znosko A. (1996). *Słownik cerkiewnosłowiańsko-polski*. Białystok.

Summary

Content Analysis of Sinodik from Wojnowo

The article presents content analysis applied in analyzing the Old Believers' Sinodik from the monastery in Wojnowo. As a result of the research certain tendencies of text dynamics were defined, i.e. qualitative and quantitative changes of delineated information units in consecutive parts of the text (articles). Placing the articles on the time line will facilitate discovering how this religious text evolved.